

Читайте:

5 страница

Валентин ЛУКЬЯНИН:

«Демократия гарантируется не сарней президентских указов или насуп сосратпанной Конституцией, а достатком высоким уровнем культуры общества».

7 страница

Валерий КИЧИН:

«В провинции жизнь соразмерна человеку. Здесь события не обрушиваются на вас водопадом, не пресыщают избытком разнообразнейшей шелухи, — они оставляют время войти в них, прочувствовать их, они оставляют простор глубине».

8 страница

Над чем смеялся Эрнст Неизвестный!

Смотрите лист Виталия Воловича к «Ричарду III» В. Шекспира.

12 страница

Валерий УСКОВ:

«Свердловск был особый город. Город, где всегда было возмущено нравственное значение труда, о котором мечтал великий Сахаров».

КУЛЬТУРА

ЧЕЛОВЕК - ИСКУССТВО - ОБЩЕСТВО

№ 47 (6904)

4 декабря 1993 года.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Основана в ноябре 1929 г.

Президент РФ Борис Ельцин издал Указ о Государственном гербе Российской Федерации

Указ подписан в целях восстановления исторической символики Российского государства и принятой во внимание, что Государственный герб РСФСР утратил свое символическое значение.

Новый Государственный герб РФ представляет собой изображение золотого двуглавого орла, помещенного на красном геральдическом щите: над орлом — три исторические короны Петра Великого (над головами — две малые и над ними — одна большая корона); в лапах орла — скипетр и державка; на груди орла на красном щите — всадник, поражающий копьём дракона.

В соответствии с Указом Положение о Государственном гербе РФ действует до вступления в силу соответствующего Закона.

В ожидании «Ники»

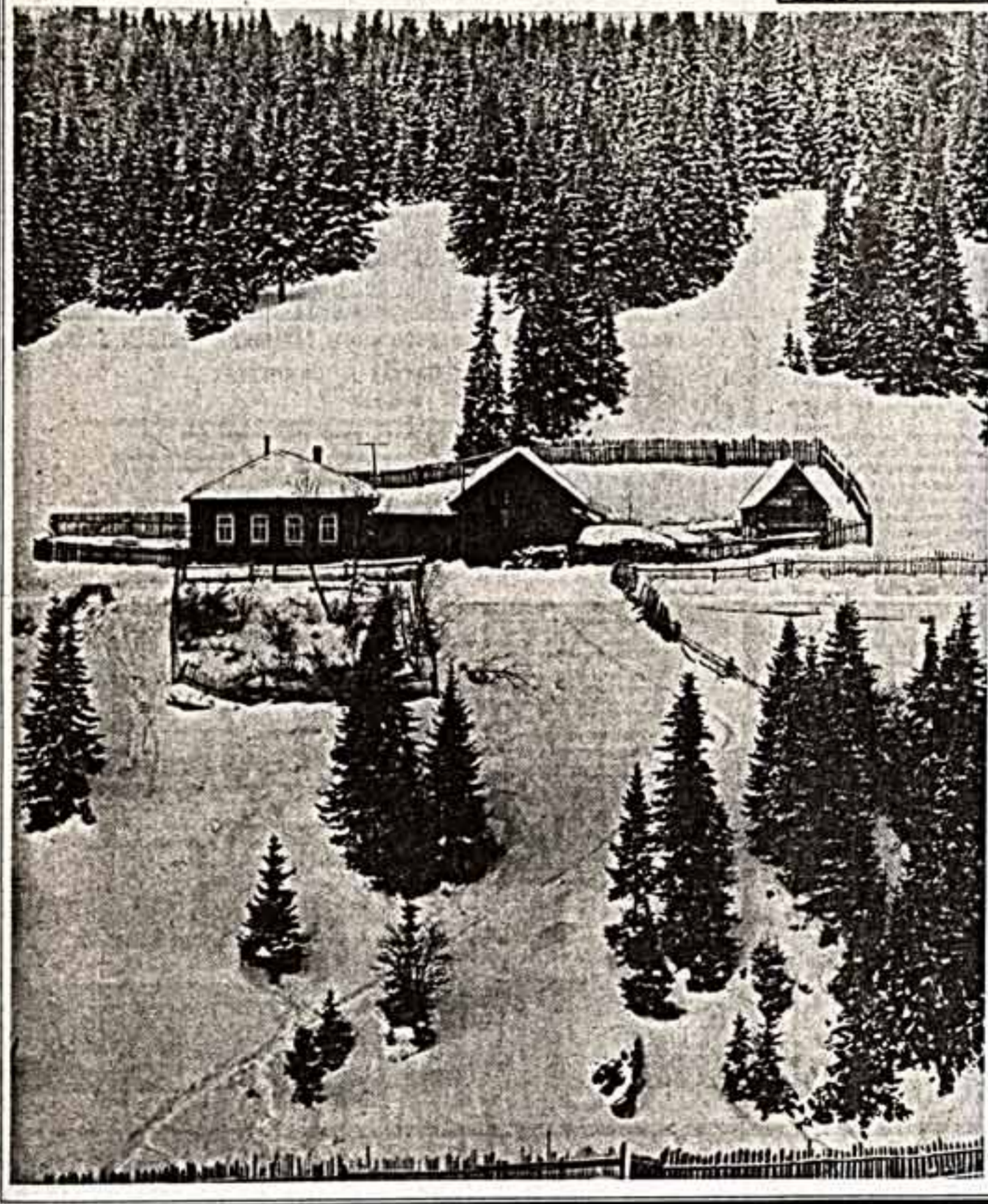
Лучшими работами отечественных мастеров художественного кинематографа 1992 года названы фильмы «Аннотация», «Охота на бабочку», «Урга. Территория любви». Также в числе «Ники» названы кинокартины «Солнце неслышало», «Солнце неслышало», «Солнце неслышало», «Солнце неслышало».

Беседовал И. СЕМИН.

Россия. Средний Урал

Дорогие друзья! Перед вами необычный номер. Он целиком посвящен искусству и культуре Свердловской области. На газете начинается выпуск целых номеров, рассказывающих о разных регионах России и о том, что теперь называется «ближним зарубежьем». В силу разных причин рвется связь с некогда единым и монопроектным культурным пространством. Таланты и поклонники оторваны друг от друга. Художники не представляют, чем теперь заняться на колеех в других городах. Мы уверены, что хоть отчасти такие целевые выпуски «Культуры» помогут восстановить разрушенные контакты. Мы хотим рассмотреть предложения любой республики, области, края.

Евгений Сидоров: — ИЗ ПЕРВЫХ РУК

«Надеюсь на понимание...»

Быть может, принцип «кто платит, тот и заказывает музыку» не так уж плох, если любой будет в состоянии оплатить любую музыку? С этого началась беседа с министром культуры России.

— И хорошо, если любой регион захочет и сможет осуществить подобную инициативу. В этом неслучайно есть особый смысл — юридической основой является постановление о создании в Свердловске, или в любом другом регионе, фонда национальной культуры последнего Указа Президента.

— Лучшим подспорьем от вашего ведомства будут благоприятные последствия для культуры последнего Указа Президента.

— Разумеется, я готов отчитаться. Но сначала — о выборах. Мне предложили участвовать в них руководителем блока «Выбор России», программу которого я разделяю не для карьеры и не ради улучшения своего статуса. Я ведь не забыл своей первой — юридической — профессии и намерен участвовать в законодательной защите культуры как равноправный участник процесса.

А не как приглашенный для галочки работник культуры, который сидит и ждет, когда его позвонят по телефону. И когда речь идет об исполнении Указа Президента, это не есть малая программа, каждый пункт которой обсуждался с Борисом Николаевичем, и по каждому же я готов ответить уже появившимся ретивым, но не слишком дальновидным критикам. Сейчас, объявляю недостаточную стимулирующую меру и спонсорство дою (до пяти процентов) налогооблагаемой прибыли от предприятий и до трех — от банков, поскольку в США — до десяти процентов. Но ведь там вовсе нет бюджетного финансирования, а мы его сохраняем и намерены увеличивать! Еще говорят — не место министрам в парламенте.

Но, что касается культуры, то ей так задалось, что ничем, кроме дополнительных шансов за нее бороться, мое возможное появление в Думе не грозит. Не рассчитывая целиком на бюджет, мы ищем дополнительные перспективные источники финансирования как в Центре, так и на местах. Одним из примеров может служить учрежденный совместно с «Авто-ВАЗом» фонд национальной поддержки культуры, куда вошли и несколько банков. Создано и первое региональное отделение этого фонда в Туле (где я, кстати, балотируюсь). Кроме того, в нашей программе возрождения российской провинции главенствует стимулировать региональные инициативы. Однако для этого нужно, как минимум, чтобы не стояли заводы. Будет государственный протекционизм отечественным производителям, тогда, скажем, тульская культура будет жить за счет оружейников, в Тюмени — нефтяников. В Нижнем Новгороде есть такой объединяющий опыт, в Самаре... Вот при таком многоканальном финансировании будущее культуры будет обеспечено более надежно.

— Очень много сейчас спорят о судьбах нашего культурного наследия. Порой неразрешимыми кажутся противоречия различных субъектов владения. Как отвести угрозу, которая реально нависает при этом над уникальными памятниками мирового значения?

— Прежде всего мне хотелось бы снять ту угрозу, которая возникает от скорлупчатых и некомпетентных суждений, в том числе и в прессе.

Непримечательно, что с той же «Троицей», «Владимирской Божьей матерью». Вот у меня в руках распоряжение Президента от 22 ноября о том, что иконы, о которых так много говорят, остаются в Троице, и только в исключительных и особо рассмотренных случаях церковь может получить их для временного использования. Кстати, сегодня в предвыборной борьбе не всегда используются доброкачественные средства. Те же коммунисты во главе с Г. А. Зюгановым, какими бы они лично ни были порядочными людьми, не должны были бы забывать, сколько бед именно культуре принесли их тоталитарная идеология, их правление! Сколько храмов разрушено, сколько писателей и художников уничтожено, сколько судеб...

— И все же давайте вернуться к Уралу, хотя бы в данной конкретике. Вот обещают нас заселить — работники культуры — что забыли вы все...

— Не забыть, и забыть не могу. Надеюсь, что поймут и поверят, что отцовскую могилу не забывают. Я же за эти полтора года побывал в 25 регионах — там, где никогда не был, это считал своим первым делом. Так ведь и рождалась региональная концепция поддержки культуры. Уралцы же, судя по этому выпуску «Культуры» и по многим другим инициативам, времени и так не теряли. Теперь мне в пору не столько им помогать, сколько кое-чему у них подучиться, чему я и рад.

Все трудности могут быть преодолены, только сломанные души не выпрямишь. И чтобы не оказаться нам снова ни в пустыне духа, ни в казаре духа — сделаем правильный выбор 12 декабря.

Запрещенная республика: послесловие? пролог?

публики, и ее роспуску здесь отнеслись без лишнего драматизма, полагаю, что дело это сугубо местное. И если осуждали Президента, то как бывшего «своего парня», который совсем отбыл от рук и неизвестно, что о себе думает.

А вот результат сочувствия к своему же обожавшему и напрасно обиженому замкнуто: за сутки после Указа об освобождении Эдуарда Росселя от обязанностей главы администрации в поддержку его выдвижения кандидатом в Совет федераций было собрано более 60 тысяч подписей. Успех,

созмеримый разве что с эльцинским в период его противостояния Горбачеву.

Но если судить обо всех событиях вокруг УР со стороны, то покажутся они, может, и вполне естественными, но столь же и драматичными, сколь незавершенными.

В том, что идея создания УР будет не только милой сердцу руководителю всех уровней, но и пройдет на ура у большинства населения области, сомневаться не приходится с самого начала. Ведь логика идеи (е неслучайно напомнить, что Екатеринбург имеет

свою юридическую, правовую, философскую и экономическую школу из числа самых сильных в России) представляется удивительно ясной. Мощная, узнаваемая гирляндами гитантских заводов, богатая ископаемыми и вообще всем на свете, живущая и без налогов на дотацию область в 50 процентов отравляет в Госбюджет в Москву. Это сотни миллиардов. А столица, в свою очередь, переносит деньги на содержание федеральных структур обратно. Но мало и неукратно. Когда же областной

творчества. В частности, в минувшем году мы взяли на себя расходы по организации гастролей театров. Ведь из-за дороговизны театры перестали выезжать, у людей нет возможности увидеть что-то новое. Прошлым летом мы финансировали гастроли двух московских театров в Екатеринбург — Сатиры и Табакова.

Программа социальной защиты работников культуры и искусства. Помогаем ветеранам. Учредили ряд премий.

Начиная с программы, называемая «Анализ социокультурных процессов. Поддержка и развитие инноваций». И самое главное здесь — это обеспечить максимально легкий переход культуры и рынка.

— Ну вот, мы начали разговор «за упокой», а кончили «за здравие».

— Да нет, конечно, что-то не уделится. Но во всяком случае учреждения культуры в области не закрываются. А новые — открываются.

— Спонсоры.

— И спонсоры тоже помогают.

— И все же, вы — управленец. Как управленец?

— Управляю. Распределением средств.

Этот разговор, выходящий на бумаге за грань, на самом деле много раз проходил по телефону. Желание людей, что-то сделать, что-то сделать, Живая жизнь. Поселенная жизнь.

Беседовал в экстремальных условиях С. БЕДНОВ.

Если вы хотите свободной жизни, то не в коды случаев вы идите в управленцы культуры администрации Свердловской области. Не вы идите в управленцы культуры администрации Свердловской области. Не вы идите в управленцы культуры администрации Свердловской области.

— Если вы хотите свободной жизни, то не в коды случаев вы идите в управленцы культуры администрации Свердловской области. Не вы идите в управленцы культуры администрации Свердловской области. Не вы идите в управленцы культуры администрации Свердловской области.

— Да, действительно и нам приходится особо. Самая-самая. Урал. Совершенно. Такие отношения отсюда. Такие отношения отсюда. Такие отношения отсюда.

— Да, действительно и нам приходится особо. Самая-самая. Урал. Совершенно. Такие отношения отсюда. Такие отношения отсюда. Такие отношения отсюда.

— Да, действительно и нам приходится особо. Самая-самая. Урал. Совершенно. Такие отношения отсюда. Такие отношения отсюда. Такие отношения отсюда.

— Да, действительно и нам приходится особо. Самая-самая. Урал. Совершенно. Такие отношения отсюда. Такие отношения отсюда. Такие отношения отсюда.

Михаил Сафронов: Что-то удаётся

плото. Откуда же такое общее мнение о высоком уровне культуры в Свердловской области?

— Действительно, что-то удается. И даже в чем-то мы опережаем других. Причем и в творческом, и в чисто бытовом плане. Вот, скажем, на федеральном уровне принимается решение о повышении зарплат работников культуры. А мы уже месяц-полтора как повысили ее за счет своих средств.

И так стараемся работать всегда — с опережением. Хорошо, что в последнее время удается добиваться получения квартир для наших работников. И в Екатеринбурге, и в самых отдаленных уголках. Когда и нам обращаются за помощью, всегда стараемся помочь.

— А деньги? — В последнее время у нас было удивительно единодушное с областной администрацией. То есть буквально все, что мы задумывали, находило отклик.

— И вам не приходится, подобно своим нациям, стоять с протянутой рукой? Да нет, пожалуй, приходилось. Разве в России культура когда-то минувала эта участь? Но факт тот, что, проса чего-то, мы не были в униженном положении. Никогда. Мы знали, кого и о

чем мы просим. И просили на равных. Не было случая, чтобы наша просьба у администрации области осталась бы безответной. И даже значительную часть учреждений культуры, являющихся необходимыми профессионалам, мы приехали на себя.

Что-то удаётся

бы клубы. Раз в месяц приезжает мастер, и...

— Но вместе с профессиональными структурами, наверное, стало так тесно открыться и самодетельности!

— Нет, мы всячески поддерживаем фестивали «Уральские россыпи». А его лауреатов отправляем в круж по Волге... Когда теплоход отплывал, все участники запевали. Представляете, как это звучало!

— А вам не кажется, что все эти фольклорные колываны, хоры, частушки — все это удел людей пожилых и вместе с ними уходит в прошлое?

— Где-то так. У нас — нет. Мы открыли среднюю специальную школу народной культуры. Уникальную школу. Там обучают детей и необходимых искусств. Но главное — тому, как петь народные песни, как что-то народить, как готовить.

— У школы есть определенная программа? — Определенной нет. Она формируется по ходу обучения. Мы с трудом представляем себе, какой она будет, когда первые ее ученики доберутся до 11-го класса. Ненужное отбрасываем.

— Рискуете! — Рискуем. И пока удается.

Что-то удаётся

Это как с вышеупомянутой зарплатой. Мы чуть-чуть опередили республиканские программы. Было, скажем, рекомендовано нашим министерством создать фонд развития культуры и искусства. А он у нас уже давным-давно работает.

Сначала говорить о том, что необходимо финансирование и работа в соответствии с определенными глобальными программами. У нас к этому времени они уже были. Именно в соответствии с ними мы и работали последние время.

— Что за программа? Если конкретнее... — Действительно, конкретнее. Ведь за каждой стоит столько всего... Программа возрождения и развития народных художественных промыслов и ремесел. Поддерживаем мастеров. Создали Уральский центр народных промыслов и ремесел. Ездим по области, ищем талантливых людей. Провели несколько тематических фестивалей. Но время показало, что наши персональные планы были малы. Что возмозможности у этой программы гораздо шире, чем мы могли себе представить. Вторая программа — международное сотрудничество. Свердловск ведь долгое время был закрытым городом, и нашу культуру знали очень мало. Теперь старе-

вемся наверстать упущенное. Уже провели большие презентации нашего искусства в нескольких странах. При этом, конечно, не забываем и о том, что в нашем регионе живут люди десятков национальностей.

Программа сохранения и использования памятников истории и культуры, надо думать, в особых комментариях не нуждается. Хорошо, что удалось открыть несколько новых музеев, показать которые не стыдно даже безвзвешенным полмира иностранцам.

Искусство, семья и дети. Тут всегда есть опасность многого не увидеть. Но при всем том мы считаем именно эту программу важнейшей.

Далее. Программа развития профессионального искусства... Разве эти занятия являются не только творческими союзами? — У них очень сложное положение, и мы считаем необходимым поддержать профессионалов. Конечно, никак не вмешиваясь в характер их

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ДЕТСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТВОРЧЕСТВА
"ЗЕМЛЯ — НАШ ОБЩИЙ ДОМ"
 УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АДМИНИСТРАЦИИ
 СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ
 ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕТСКАЯ
 ФИЛАРМОНИЯ г.ЕКАТЕРИНБУРГ

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
 РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОМИССИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
 ПО ДЕЛАМ ЮНЕСКО

ВСЕРОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
 МЕЖДУНАРОДНЫХ КУЛЬТУРНЫХ
 И ГУМАНИТАРНЫХ СВЯЗЕЙ

ЕКАТЕРИНБУРГ — МОСКВА 21—31 марта 1994 г.

23 марта - Открытие фестиваля в Государственном кино-концертном театре "Космос" (Екатеринбург)
 30 марта - Закрытие фестиваля в Государственном Центральном концертном зале "Россия" (Москва)

*В фестивале принимают участие хоровые, танцевальные, фольклорные,
 инструментальные детские коллективы.*

Оргкомитет принимает заявки на участие в фестивале до 1 января
 факс: (3432) 511-697, 515-020, телефоны: (3432) 519-748, 516-188, телекс: 721518 LORD SU.

Раз в два года весной, как раз, когда начинаются школьные каникулы, в Екатеринбурге приходит праздник. Его ждут тысячи людей, к нему готовятся, о нем мечтают.

Он приходит вместе с первыми теплыми днями, вместе с надеждами на лучшее. Он приходит и начинает звучать множеством счастливых детских голосов. Потому что имя этому празднику — фестиваль детского музыкального творчества «Земля — наш общий дом».

Каких только фестивалей нет на белом свете. Престижных, ярких, дорогих, международных. Но уральцы убеждены, что прекрасней их фестивала нет ни одного. Более того, в этом почему-то становится убежденными все те, кто хоть однажды побывал на нем.

Материал что ли какая, волшебство? Он начинался давно, этот фестиваль. Был сначала областным, потом всесоюзным. Теперь он международный и находится в поле внимания ЮНЕСКО.

Но не в титулах и не в назовании главное.

Главное, что весной в Екатеринбурге едут поезда, летят самолеты из разных уголков Земли, где все пассажиры — дети. И если когда-то и справедливым слове, что дети — наше будущее, то именно в этом случае. Потому что дети эти талантливы и веселы.

Что, собственно, представляет из себя фестиваль, кто участвует в нем?

Талантливые наши исполнители, коллективы. Без ограничения жанров. Хореографические, фольклорные, хоровые. Какие угодно. Но все — по достоинству представляющие искусство той области, города, страны, откуда они прибыли. По мнению знатоков, исполнительский уровень, демонстрируемый на фестивале, не только не уступает взрослому профессиональному, но иногда даже превосходит его.

Этот фестиваль имеет удивительную притя-

тельную силу. Рижский ансамбль танца «Дзинтариньш», ансамбль добристов «Ритмы Созидания» из Самарканда, ансамбль песни и танца «Мартес» из Тбилиси, ансамбль «Нижегородские ложкари», Детский хор и Камерный оркестр Берлинского радио и телевидения принимают в нем участие постоянно. У фестиваля появились свой девиз, своя эмблема, свои песни.

На фестивале не говорят о политике, забывают о границах. Слезы появляются лишь раз, когда наступает час расставания. Но и тогда утешает мысль, что два года спустя предстоит встретиться вновь.

Впрочем, после таких праздников дети начинают переписываться между собой, ездят друг к другу в гости, начинаются дружеские отношения между их родителями.

В последний год фестиваль перешагнул грани-

цы Свердловской области. Его закрытие состоялось в Москве, в Государственном концертном зале «Россия».

Думается, не надо объяснять, что подобные праздники, в которых принимают участие более тысячи человек, — сложны и дорогостоящи. Но ни город, ни область не скупились на него. Ведь в эти фестивальные дни никто ничем другим и не живет. Для него работают лучшие концертные залы, гостиницы, транспорт.

Удивительная вещь: при всех нынешних материальных трудностях, при всей меркантильности у фестиваля всегда находятся десятки спонсоров. Причем иногда от организаций звучат такие предложения: «Мы не богаты, много дать не можем, но так хотим быть причастными к этому событию! Возьмите у нас хоть что-то!» Быть спонсором в данном случае оказывается престижным.

Мы призываем всех, кому дороги улыбки детей, кто думает о будущем, кто ценит прекрасное, сделать свой вклад в это благородное дело.

И тогда будет праздник. Наш, общий.

ПОДЕЛИСЬ УЛЫБКОЙ СВОЕЙ...

Программа передач

ПОНЕДЕЛЬНИК

6 декабря

1 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00... 4 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00...

СРЕДА

8 декабря

1 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00... 4 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00...

ПЯТНИЦА

10 декабря

1 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00... 4 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00...

ВОСКРЕСЕНЬЕ

12 декабря

1 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00... 4 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00...

ВТОРНИК

7 декабря

1 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00... 4 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00...

ЧЕТВЕРГ

9 декабря

1 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00... 4 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00...

СУББОТА

11 декабря

1 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00... 4 канал «Остатки» 8.00, 9.00, 12.00, 15.00, 18.00, 21.00...

РОКОВАЯ СТРАСТЬ, НЕЖНАЯ ЛЮБОВЬ И ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ СЮЖЕТ! ЭТО романы из серии "РУССКАЯ ЛЮБОВЬ"...

Уважаемые рекламодатели! У нас самые низкие цены на рекламу среди центральных газет. Наш телефон: 285-26-46

Light FANTASY. В КОТОРОМ ОЖИВАЕТ ВАША ФАНТАЗИЯ! КОМПЛЕКСНЫЕ ОСВЕТИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ. f.a.l. Осветительное оборудование, специальные световые эффекты, генераторы дыма...

СИБИРСКИЙ ТРАКТ

Это всегда был странный город. Еще не Сибирь. Но уже не Европа. Камени, раздвоенная...

Я до сих пор удивляюсь, отчего это на полуразрушенных склонах Уральского хребта...

Если премьера — то событие для всего города. Вечерами у театров пахнет дымом — свердловские праздники идут на спектакли...

Но воображению представлялась торжественная кавалькада ярко освещенных трамвайных вагонов...

Трамвай — это право собственности государства. Момент, и подвезду!

«ЧЛЕН КПСС» Театры были замечательны. Свердловский драматический — МХАТ моего детства...

Амман-Дальская и Петля ехали в длинном, как книжка, вагоне. Одиноким и пылко рассказывали...

Долгие годы Свердловск, перемещенный оборонными федеративными, оставался закрытым городом. Там же это время, конечно, сказывалось на культуре...

ль. Однажды на зрительной с полтона стала сыграна старая пьеска. Спектакль не отменили, просто на месте под опасными...

В двух кварталах от театра выскочил здание обкома партии. В нем было шесть этажей, и на всех шести шла руководящая работа...

Я жил и работал уже в Москве, когда в новом родном городе началось некое строительство новой драмы. Фундамент уже обрисовывал контуры будущего гиганта...

Странно выглядел этот район в центре города. Над непримечательными, освещенными уличными вывесками, как золотой чешуйчатый журавль...

В небоскреб переехал обком, и теперь свердловчане могли из любой точки города созерцать вышествовавшую инстанцию...

Зависимость ласковой прозябавшей КПСС. Быстро выросли кварталы нового микрорайона. И опять, пока они росли...

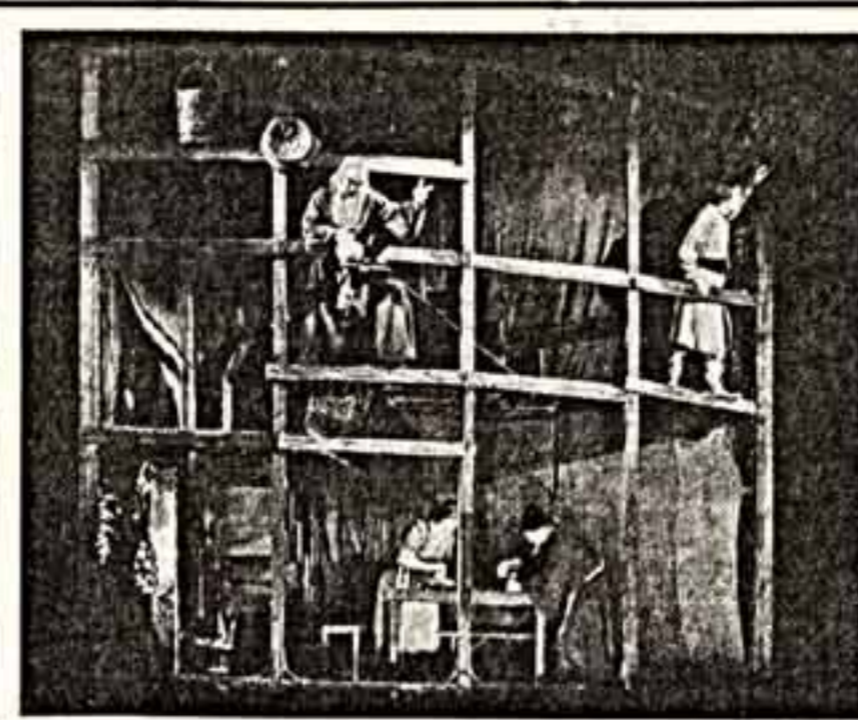
Я представлял, что шло на свердловской сцене под ее руководством. Там в лучшей оперетте страны талантливые вселили трудящихся и делами им красиво...

Мне трудно было спорить с этой женщиной, спор казался даже безаппетитным — потому что в ней жило некое материнское чувство по отношению к любимому нами обкому города...

«Имя» прославлялось, вызвали скандалы, в результате город, а потом и страну покинул Эрнст Неизвестный — для свердловчан в ту пору просто хорошо всем известный Эрик. Время от времени поступал запрос на выставки опальных Морсиана и Брунсовского...

У коллег культуры были в городе коллеги, как правило, почему-то женщины. Они одевались строго, имели высокие причешки-башки, которыми укоризненно качали на всевозможных художественных выставках...

сударственные организации, способствующие продвижению искусства за пределы своей области. Одна из них — Уральский центр культуры связей. С президентом этой организации Сергеем Николаевичем Стародубцевым мы и беседуем...

«Подаются вагоны трамвая»

зала о своих московских театральные впечатления. Она была поражена тем, что в годы разноточного зрелища обнаружилась на столичной сцене одна антижизненная и пошлостная. Антижизненная была Розов, но, конечно, Патристическая, Вознесенская с Рыбниковым и почтенным-то Брагинским. Впрочем, возможно, последний был пошлостный, в этом вообще трудно было разобраться...

Постоянно общаясь с деятелями искусства, они усвоили типичный язык официального искусствознания, научились быть очень мягкими и совершенно неумными. Так мудрый и многоопытный человек разговаривает с немыслящим, способным по невпадению сунуть руку в кинопоток.

ИТИКА ФЕНИКС ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ... Между тем началось перестройка. Из члена КПСС уже не поступали, непрерываемые указания, и опьяняющая волюнтаристская захлестнула городскую культуру. Театры стали прорастать отсюда, в короткий срок получили больше музыкальных театров, чем Москва или Вена. С драмами по-прежнему были определенные трудности. Зато возникли сразу два «феномена», о которых заговорили в стране: свердловская опера и свердловский рок.

На спектакли оперы стекались критики из Москвы, Ленинграда и других провинций, удивлялись аналогам, домашнему уюту театра, изобретательности постановщика, талантливым содружеству дирижера и режиссера, которым удалось собрать вокруг себя замечательных певцов и художников мирового класса.

Валерий Леонтьев, божественно оформивший здесь спектакль «Сказки Гофмана», пророчески предсказал: «Сядет. Дело в том, что в 80-е годы в Свердловске на глазах сформировалась целая оперная школа. С моей точки зрения, еще более плодотворная и перспективная, нежели прославленная столичная академия Покровского» — сравнение неизбежно, ибо в своем упоре делается на певца-актера, на режиссуру интимную и осмысленную. Но если спектакли Московского театра возле Сокола всегда умозрительны, а в ГАБТе эта умозрительность совершенно уничтожена, по-моему, стихийно языческую красоту исподтишке «Млады», то школа, существовавшая в Свердловске уединенно Льва Михайловича Рахмонова и Александром Титовым и темпераментным дирижером Евгением Бранником, подкупала абсолютной естественностью сценической и музыкальной жизни. Она была легкой, как дыхание, и в ней не было принужденности — она была собой на том, что именно в этом театре впервые открывал для себя Римского-Корсакова, Россини, Оффенбаха. Хотел и «Салтана», и «Цирюльничка», и «Гобана» знал акустике и правде. Захватывала любовь зрителей спектакля к избранному материалу. Опера снова рождается заново, освобожденная от приклевывания штампов. Спектакль был телесным, он пульсировал, как живое существо, было обязательным и обладающим индивидуальностью — что в музыкальном театре великая редкость.

Это, несомненно, была эпоха жизни ответственного музыкального театра, и Свердловск система та, что был в ней принцип. Что обладал тем, о чем может только мечтать нынче обиденная музыкальными театрами столица. Умел ли ценить? Пожалуй, да. Редко я видел так столь благодарный, как на «Борисе», «Пророке» или «Сказке о царе Салтане».

Но, как уже сказано, свердловский спектакль, многие певцы развлекались до кучи, в театр, всегда обладавший качествами птицы Феникс, возмужав, накапливал силы для нового взлета.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

Это, конечно, показатель слабой выносливости. Но горевать по этому поводу мне никогда не хотелось: в театральные оперетты мастерство если базисно, то непременно и самоодолело, и уж тогда исключает всякую искренность. «Свадьба с генералом» — шедевр Курочкина и его труппы. Я потом не раз его вспоминал, наблюдая обаятельный успех самостоятельного музыкального театра «А чой-то ты во френке!» в Московском театре современной песни — неостроумный, тяжеловесный, беспомощно поставленный капсюлик в исполнении знаменитых драматических артистов стал едва ли не гвоздем Москва изголодалась по актерскому куражу, по импровизации, по тону речавшему на театре чуду, когда черт знает что, почти лоботряпским рывком, в миг обращается шедевром. В Свердловской оперетте это чудо стало почти законом существования. И будь стеленная театральная публика, некая призрачная знакомая именам и более любознательная, после виртуозно выстроенной стихии свердловской «Свадьбы с генералом» она, правда же, оставалась бы и немужикальным Виторгам, и некоем порхающем по сцене Петренко. И еще многие «гвозди сезона», волновали театральную общественность, уступили бы место спектаклям, родившимся далеко от Москвы. Но это уже совсем другая тема.

Горда, где в выросте, больше нет: Свердловск стал Екатеринбургом. В дополнение и трамвай пустил метро. Драматический театр достроен, но счастья нет. Это совершенно, как в жизни: строишь, строишь свой домик, а как построил — там и умирает пора. Театр и умирает помаленьку. Вдали от зрителей, а теперь еще и лишенный возможности поехать на гастроли, людей посмотреть, себя показать. И свердловская оперетта в год своего очередного юбилея (60 лет!) впервые не смогла порадовать своим искусством москвичей. Рынок воздвиг барьеры покрывающие идеологические. Дам-патронесс с высоким прическами тоже больше нет. Куда они делись — ума не приложу. Ведь живут где-то, что-то думают, горюют, наверно, или злорадствуют, не дай Бог увидят, мол, какой без нас полый распад! И не возражайте. Действительно, распад. Чтобы театру выжить, надо торговать в фойе колготками, проводить лекции и ставить в зале столики, чтобы искорнить и испортить под Штрауса и Кальмана, местными спонсорами. После «Именины» можно покрывательство попользовать гордую артистку по явке. Это не рождается новая буржуазия, из которой должен однажды выкулиться новый Давыдов. Идея создать отдельную Уральскую службу на принципе кажется последовательной. Если да Москва теперь, как встарь, триста дней скажи — не доскажешь, если телефон и даже почта стали предметом роскоши — чего не играть в валетку и недельную. Пусть москвичи теперь путешествуют из Белые в Суколомники, и отдыхать пусть едут исключительно на Юго-Запад. Пусть Екатеринбург свердловский возмужав в туркестане — на границу с Европой, где надо поставить таможню с пулеметами. Без виза в родной город меня уже точно не пустят. У нас была великая эпоха — это единственный таинственный писателя Лимонова, с которым в совершенно согласен. Но она кончилась. Сейчас эпоха новая, переходная. Ее черты уже зримо видны на улицах уральского Чикаго: — Ягу убил! Я не знаю, кто такая Яна. Но ее убил на улицах моего города, и об этом знает каждый мелом в подворотне прямо возле члена КПСС. Стреляют. Уме не на сцене. Впрочем, вагоны трамвая пока подуют. Валерий КИЧИН.

МНЮГО О ДЕФИЦИТЕ ОДЕКЛОНА В ПАРИЖЕ На концерты свердловского рока было невозможно попасть ни в Москве, ни в Ленинграде. Газеты клемили «Урфин Джюс» за непонятное название, а «Нуталус Помпликус» — за возмутительного Алена Делона, который почему-то не был одеклоном. Хотя в новом СССР это было почти хорошим тоном. В свердловском роке подкупала основательность. Ему не была свойственна туманная зашумованность, капризные декламации, он лепил правду-матку в глаза. Он всегда понимал, что мететором просверливающий на горизонте трагический Александр Башлачев — из этого, свердловского глезда. И когда однажды уральский рок показательно, прямо на сцене, «стрелялся из безгласной красно-красовой змеи, советская власть закачалась и вскоре рухнула. ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ МИННЕЛЛИ Тем временем гордость Свердловска — Театр музыкальной комедии — проводил в столицу своего главного режиссера Владимира Курочкина и тоже начал новую жизнь. И если в ранние годы он был «лабораторией советской оперетты, а в зрелые — бастионом Оффенбаха, то молодой Кирилл Стрельников сделал его, в духе конца века, «полногласным мюзиклом», ответственным и зарубежному. На сцену хлынули воспитанные им россияне Лайзы Миннелли — совсем как настоящие, но сильно терюющие от того, что до них одна будит все-таки уже была. Истинные же — праздники были связаны со своим, родным. Например, с проницательностью «Человека с аккордеоном», историч артисте-фронтоника, рассказанной писателем Анатолием Макаровым воле не для оперетты, но в Свердловске

ставшей замечательно искренним и волнующим музыкальным спектаклем. В театре было по-прежнему весело, не его сцена катилась на ролик, пели джаз и рок, там оставалась присутствующим этому театру атмосфера озорной актерской импровизации. Но вместе с Оффенбахом труппа стала покидать последние хорошие вокалисты. И вот уже в «Кандиде» Бернштейна, одной из последних премьер, театр ослепляет зрителя разнообразием и богатством костюмов, завывает своим фирменным «куражом», но дилетантскую музыку едва уловимые манеры немужикального певца-крика, вокала-выкрика, когда голоса режут и визгливы, а ансамбли перестают существовать вообще. Это всегда был театр «звезд». Имя Анатолия Маринича в истории отечественной оперетты стоит рядом с именами Ярина, Володина, Водяного. Этот уникальнейший артист умел одним только появлением на сцене вызвать в зале дрожь восторга; он не был вокалистом в привычном понимании, но голос его обладал некими волшебными оборотами, в нем, несомненно, была «естественная» без которой искусство оперетты сразу становится плоским, пустым и пошловатым. Он сочетал в себе комическое и драматическое. Он легко смеялся и глубоко ранил; пленен с записью его роли практически не осталось, но эти роли умрут только тогда, когда умрет последний видевший артиста зритель. Позже традиция мастера продолжил замечательно интеллектуальный комедийный актер Иосиф Крылатый, рискуя своей сыграностью и несомненно, была «естественная» без которой искусство оперетты сразу становится плоским, пустым и пошловатым. Он сочетал в себе комическое и драматическое. Он легко смеялся и глубоко ранил; пленен с записью его роли практически не осталось, но эти роли умрут только тогда, когда умрет последний видевший артиста зритель.

Позже традиция мастера продолжил замечательно интеллектуальный комедийный актер Иосиф Крылатый, рискуя своей сыграностью и несомненно, была «естественная» без которой искусство оперетты сразу становится плоским, пустым и пошловатым. Он сочетал в себе комическое и драматическое. Он легко смеялся и глубоко ранил; пленен с записью его роли практически не осталось, но эти роли умрут только тогда, когда умрет последний видевший артиста зритель.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

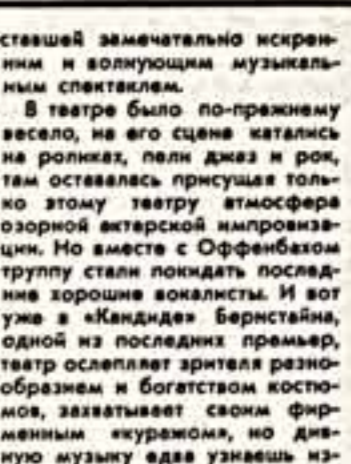
«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

«Мастерства» совершенного, но формального здесь не было никогда. В залпах спектакли теряли катастрофически — обнулялись огрехи вокала и сценической речи. Все искусство — искренности, чужа, легко преодолевая простор оркестровой ямы и заполняя зал. Зритель сидел, чуть подавшись вперед, навстречу сверхающему чуду, легко смеялся, легко принимал импровизацию, и красота этих спектаклей была не холодной и выверенной, как скажем, в Московском оперетте, а живой, трогательно крупной. Она и впрямь крайне завлекла от обстоятельств: порой спектакль, дома блестящий, мог стать вычурным на гастролях, в непривычном зале, на недарственной, высокомерной публике.

ОКНО В ЕВРОПУ

предложений — все это нужно организовать так, чтобы не было порождено и нам доверие. Хотел бы подчеркнуть, что учредителем нашего центра выступили областное управление культуры, фонд культуры, областной комитет радио-и телевидения, театры. Вступительный взнос и позволил приступить к конкретному делу. Так проведены уже пять международных фестивалей детского музыкального творчества, два международных диалоговых фестиваля (совместно с местным отделением музы-

кального общества). Замечательный прошёл вечера новой диалоговой музыки, выставки ряда художников авангардного направления. Вот сюда идут средства, заработанные в наших буднях — повседневном неформальном привнесении групп направлений и культурного диалогового — это хорошо и реально, но обычным интеллигентным людям обычно нужна пища духовная. Мы и стремимся укрепить международные контакты интеллигентных людей. Формы, конечно, рожда-

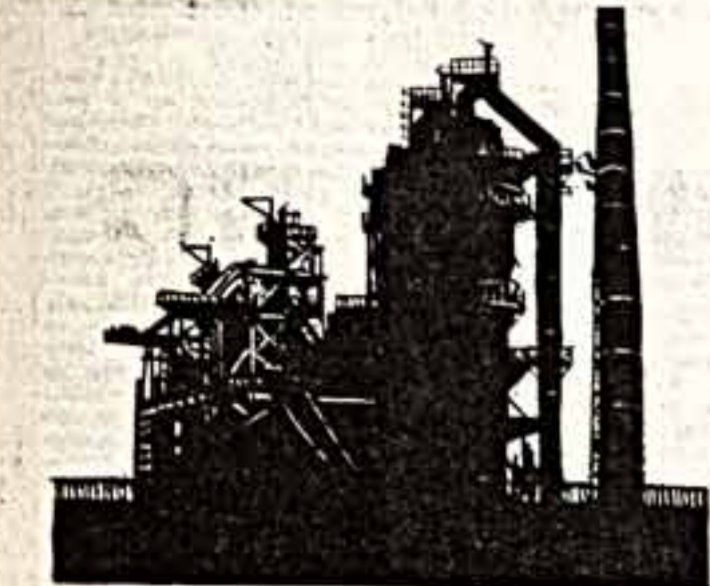
В. ДМИТРИЕВА.

ДВА ОБЪЯСНЕНИЯ В ЛЮБИ

ГОРОД

Если подъехать к Краснотурьинску ночью, то при спуске с горы можно увидеть нечто, похожее на звезду. Большой светлый круг центральной площади и лучами, как в Питере, расположенными в разные стороны огни улиц.

остыли и переключились на что-то еще. Но для нас, пожалуй, одним из самых важных должно быть название не города, а города волей «отца народов» в город были привезены переселенцы. В частности, большая группа немцев Поволжья. От них — целые улицы с уютными двухэтажными домами, квадратными чистыми двориками. Такие кварталы, построенные где-то в 1920-е годы, где военнопленными, есть во многих городах, и повсюду их называют «немечками». Вместе с особым городским планировкой, особым укладом жизни и Краснотурьинск — переселенцам пришла и особая культура. Особая не по свойствам, а по жизнестойкости, общности, разнообразию. И вот результат. Тот самый, заставивший москвичей в начале 80-х годов задуматься о чужих людях. В городе около 70 тысяч жителей. Не из них институт, техникум (это то, что касается высшего образования), зоогеографическая, две музыкальные и художественная школы, училища художественное и музыкальное, большой музей с тремя филиалами, дворцы и дома культуры, много библиотек, профессиональный театр и народные оркестры, что-то мастерят умельцы. Проводятся праздники. Для пенсионеров. Для многодетных семей. Для детей. И т.д. В городе не закрывались ни один пионерский лагерь. Судили и не судились, но судились, и людей, и программы, соответствующие времени. А часть школьников летом занимается благоустройством города. За приличные деньги. Чем больше заработаешь. После такого «трудного лета» уже не возникает желание опрощать урны или подкидывать новенькие скамейки. После всего сказанного, наверное, вполне естественно прозвучит сообщение о том, что культурой в городе заведует жрудиновская, обязательная женщина Алла Лемачко. Тут спать, там устал. Открытие очередной выставки, вечер ветеранов, экзамен в училище. Надо рвать новые за границы купить. Время выдвижения кандидатов на городскую праймо по культуре подошло. Во все виню, что не проверять самой. И самое странное — все успевает. Хотя, конечно, и говорит, что не успевает ничего. И еще несколько слов о

ЗАВОД

Если подъехать к Нижнему Тагилу днем, то первым бросится в глаза дым ядовитого-бурого цвета, выкачиваемый в городское небо десятками труб. Сразу хочется говорить об экологии, дебищные «зеленые» и тому подобном. Но, похоже, эти темы даже в самых небогатых слоях в смысле окружающей среды завода стали нежданными. Прошумев митингами, требованиями и ультиматумами, прошлептав листовками, экологические дебри заглядились в «кампаниями» милосердия, покаяния и прочее. По идее, такое начало ну никак не предполагает, что ниже будет почти объяснение в любви... заводу. Причем не за его продукцию, а за завод вообще. К его помещениям, трубам, стальным конструкциям.

Ах, как трудно расставаться с прошлым. С милыми привычками далекого детства, со старой одеждой и потертой мебелью. К тому же в старое можно подлатать, обновить, украсить модной отделкой. Кому не знакомы пригородные дачи с их десятками надстроек, приделов, поздних насаждений. Кому не знакомы дома со старой кирпичной кладкой, наваленными сверху дополнительными этажами и широченными, прорубленными по жонскому окламу современному офису. Наверное, в этом есть нечто чисто российская черта. Бог знает, насколько это, плохо ли, но что именно она заставила недавно поразиться десяткам западных ученых — это факт.

На прагматичном Западе, где в том же мало земли, безумно дорогой земли, подобно с точки зрения здравого смысла вполне может показаться глупостью. Ну, скажем, есть у вас заводик, который испаряет дым, а в погон базисно устаревает. И модернизация не поддается. Что делать? Ну проблем! — снести его поди стую и чертовой бабушки, в на его месте построить новый, сверкающий лаком и поразительной воображением таинственным совершенством. Но нетрудно сообразить, что через определенный срок подобная участь ждет и его.

У нас все не так. У нас много земли. Да и мало расходуется со старыми, если не просят. Вот и стоит рядом с устаревшим что-нибудь новое. И, глядя, на несколько сотнях квадратных метров разместились все наши истории.

Именно такую картину и представляет из себя Нижнетурьинский завод-музей.

Необходимость сохранения памятников индустриальной архитектуры встала давно. Но до нас дошла только-только. И не мудрено. Понять, что эти индустриальные конструкции строились не только для того, чтобы эксплуатировать трудящихся и создавать продукт производства, но и для того, чтобы ваять собой характерные приметы времени и стиля.

И вот совсем недавно Генеральная ассамблея Международного комитета по сохранению индустриального наследия решила провести свою очередную конференцию в Нижнем Тагиле. И десятки ученых, съездивших из разных стран (но многих из которых, кстати, сказать, эта отрасль музейной науки поставлена на широкую ногу), буквально ахнули. И не могли не признать того, что индустриального памятника такого масштаба, столь полно отражающего историю горнозаводского дела, металлургии, индустриальной архитектуры, у них нет (А почему — смотрите выше). Причиной же к удвоению, что-то бесконечно космическая, шли они от планеты (1725 год) по бесчисленным металлургическим переделам и лесникам до доминирующей цеху (того же года постройки), и заводской конторе (1846), и электростанции (1913) и далее, дальше. Все вызвало восторг. Уж не говоря о маленьком паровозике, который когда-то, пытая и напрягаясь, тащил к горе Высокой вагон.

Выводы, сделанные этой конференцией о том, что из себя представляет Нижнетурьинский завод-музей и как работает российская культура, крайне лестные. Достаточно сказать, что в этом вполне официальном документе употре-

реблются такие неофициальные слова, как «чудо» и «восхищение».

Молод. Как тот, что описан у Куприна. Требующий и себе внимания и поклонения. Застывший служить себе несколько поколений тщеславиям. Он похож на дондисторическое чудовище, мнущееся среди открытой идилии и попарак пыльных холмов. На него лучше смотреть издали. На все его зыбущие, покоряющие мощные члены, еще вчера такие грозные, на его развернутые пасти, столько лет изрыгавшие огонь и клубы дыма.

Риском подбодить, взглянуть поближе! Быть может, даже дохнуть. С оттоком восторга и превосходства, с каким проводят пальцем по пыльному хребту древнего ящера в палеонтологическом музее!

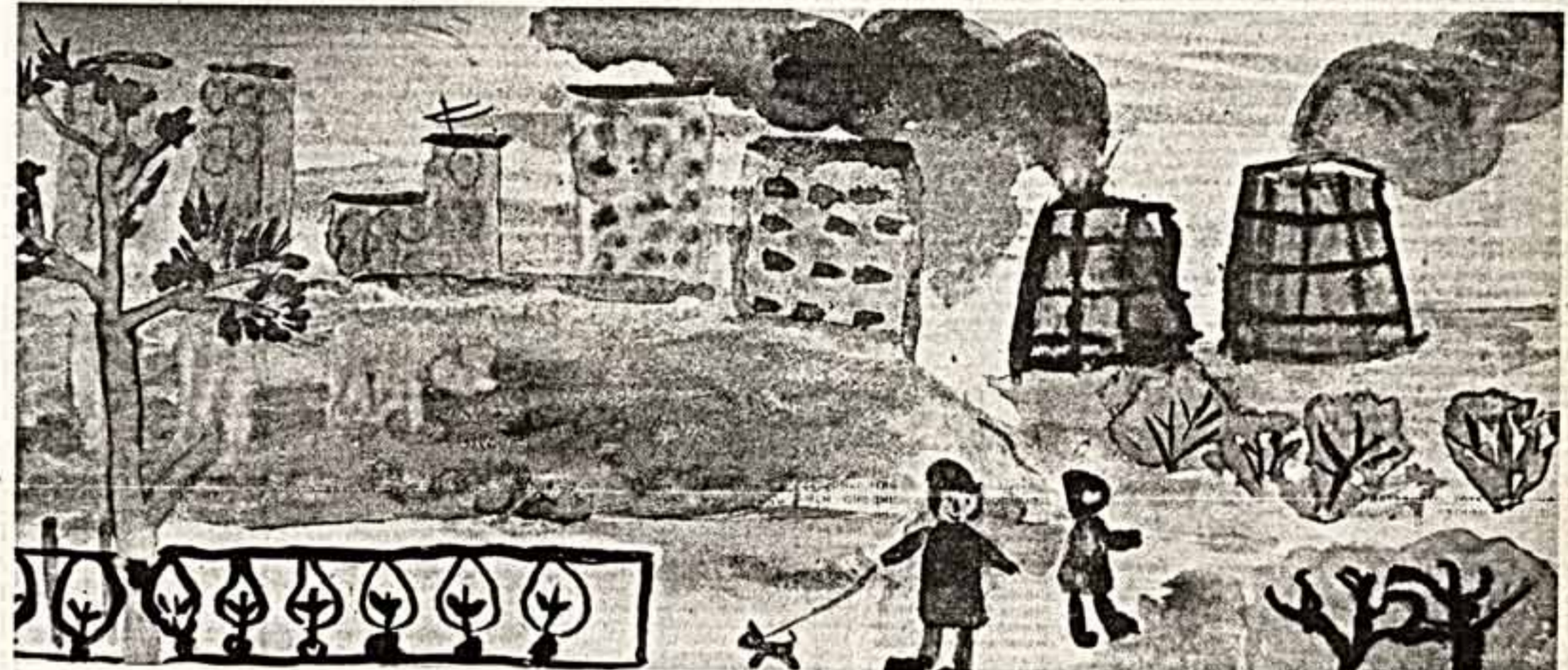
Когда идешь по чугунным мостикам столетней давности и вдруг чувствуешь под ногами сотрясение, дыхание, то понимаешь, что чудовище еще живет. Кровь еще пульсирует в напоянных членах.

А если из всего этого создается ощущение, что у завода-музея нет проблем, то это будет совершенно неверным. Ведь всю эту махину как-то надо поддерживать в пристойном состоянии. Идут снега, дожди, все не самые чистые в мире. И это не маленький уютный особнячок, в котором надо взраждать подмолат кривую. Эти гигантские железные многометровые высоты ржавеют. Чтобы они не рухнули в один прекрасный день, их надо беречь. Для этого нужны деньги, нетрудно догадаться. Хорошо зная администрацию города и области понимаем это. Как и руководители крупнейшего местного предприятия Ю. Камарова. Так что пока состояние у памятника сносно (к тому же Минкульт варт год спуска воянина о своем обещании заботиться о нем).

Нестолько пристойное состояние, что побывавшие на конференции западные ученые уже задумываются над организацией в своих странах экскурсионных групп в Нижний Тагил. Но не так директор музея-заповедника города Иван Семенов, чтобы по окончании этого грандиозного форума благодушно перефразировать: ну вот, прошел — и слава богу! Вспомнилась сказка о короле кабинета и колоний силует этого чудовища (король-то «чудом»), он уже видит там национальный парк. Где все в отличном состоянии. Где все приспособлено. Где остались какие-то малые металлургические производства (монет, сувениров). Чтобы был огонь в цехах, чтобы ОНО жило, дышало. Чтобы снова запылил паровозик и поехал туристкой в гору, откуда такая панорама на город, чтобы был места для отдыха, рестораны, гостиницы. Все то, на что мы с такой завистью смотрим в познавательных телепередачах о западных странах. А если идти дальше — ведь среди индустриальных памятников в этих, дамидских, местах есть и другие. Объединить бы их в единый комплекс.

Хватило бы сил. Времени-то непростое. «Оборонка», на которой всегда держался город, в упадке. Бывает, огромные предприятия стоят по несколько дней. До музейных планов ли тут!

Но Иван Григорьевич Семенов верит. Это вера помогла ему уже многое сделать для города. Поможет и в этом. С. Н.

зависимый с горнодобывающей промышленностью, повторил судьбу своих собратьев. Рост становился капиталистическим, переживая революции, национализацию, сломы и подъемы, царские и большевистские указы, забастовки и трудовой энтузиазм, ранние заводские гудки и отлаженную круглосуточную работу на «оборонку». В его истории были предпринимчивость и кутажки заводчиков, стоны кутажки и смелые, удальничьи талантливые мастера-самоучки, почетные грамоты и переходящие знамена, пустые отчеты о продажной работе и действительное большое дело. Во время Великой Отечественной Краснотурьинск вырос на поселка в город, расширившись практически до сегодняшних размеров, была там, как и положено, перестройка. Были отчаянные «демократы» и небезызвестные «консерваторы».

Между прочим, памятник Ленину в Краснотурьинске даже больше, чем в бывшем Свердловске, что неизменно было предметом гордости горожан. Вондиз с простертой и медалью дамы в поисках утилитарных надписей и эстетических призывов. Или по меньшей мере пятен краски. Но ничего этого нет. Стоит себе вондиз мирового пролетариата, овеянный холодными уральскими ветрами. Просто памятник — и все тут. Скульптура. Произведение искусства. Пусть себе стоит.

В городе почти все центрально-революционно-исторические названия. Ленина, Свердлова, Маркса и т. д. Некогда в спросил одного местного художника, мол, не хотишь ли вы переименовать в другие времена? — он недоумоменно ответил: «А во что? Они носят такие названия с тех самых пор, как были построены. Раньше они никак не назывались, потому что большинство просто не было. Может, у вас, в москвичей, возвращение названий — это возвращение истории. А у нас вот такая история. Другой нет».

Конечно, город не инновационный политический лидер. Но нам переболела года два назад. Выработался иммунитет. Даже местные «экстремисты» — школьники, шутки ради именовали на официальных зданиях российский флаг на советский (эту компанию здесь называют «тимуровцами»), по-

Краснотурьинске. Почти в каждой семье есть автомобиль. В местные магазины приезжают люди из близлежащих городов. На улицах чисто. Во многом благополучие города связано с Богословским алюминиевым заводом. От него субсидии — весьма приличные, надо сказать, — на культуру. С ними связано процветание огромного Дворца культуры, где работает все, что только может поддаться воображению (именно на его базе — симфонический оркестр, цирковой коллектив, духовой оркестр, дисковый оркестр народных инструментов и много всего другого).

Известно, что быть зависимым от кого-то одного, тем более от чужого денег, крайне неприятно. Можно представить себе, например, что искиают местные рудники. Или совершенно развлекается, что вполне возможно, металлургическая промышленность России. И все — конец процвета-

срав, это были ночи. Стоп, стоп. Белые ночи! Петербург, что ли! Петербург. Почти. Только — Краснотурьинск. Нет, конечно, зато есть горы. И там же широта — 60° — что и у Петербурга. Так что действительно белые ночи. А вот — почти черные по краскам работы. «А это — когда в вакуум в училище был. Черный был период. Это Корвякин о своем любимом преподавании. Потом работы начинают ослаблять странным сочетанием красной и белой. И тогда в спрашиваю его: «Слушай, а как бы нам подать эти улицы и горы в газете? — он отвечает: «Фотографировать Ерунда. Ты работы наших детей выдвигай! — «Выдвигай! — «Ну вот пусть они и проиллюстрируют. Если город нужен, любви, то кто же скажет об этом лучше, чем дети? И правда — кто!

С. НИКОЛАЕВ.

Имена победителей конкурса детского рисунка «Я ЛЮБЛЮ МОЙ ГОРОД»: Ольга Фрунзе (12 лет); Наташа Турчинова (11 лет); Лиза Малюк (6 лет); Лена Худикова (10 лет); Ксения Панова (11 лет); Саша Петунина (11 лет); Мра Кравкина (12 лет); Наташа Писсарова (11 лет); Лена Комиссарова (12 лет); Кристина Вайцман (12 лет); Юля Гатулина (13 лет); Оля Терехина (11 лет).

Беликова Ана (14 лет). Памятник. Лешкова Лена (6 лет). Наш Краснотурьинск. Клавдиякова Мама (10 лет). Трагедийное кольцо.

Дедушка свердловского рока

Мягкий добрый беспринципный

Этого человека считали «своим в доску» едва ли не все знаменитые свердловские рок-группы. Он был генератором идей для «Алатыри» и «Апрельского жариса»...

Надвинуло разговаривать с модами артистами из Театра Олега Табакова...

Дорогой, любимый мой Екатеринбург! Не хочу фальшивить — неправильно мне называть тебя так...

Подо фотографией в газете была подписана «Благодарность»...

Свердловчан были в зале свои постоянные места. А у служебного входа до обморока вырвали сами восторги поклонников Даутова...

Сквером и фонарями, но здесь были эвентуальные многолюдные гуляния. Здесь завязались знакомства...

Что знают в вашей стране о России? спросил корреспондент «Культурной галактики» Ринн Ваглант...

Взгляд со стороны. Впервые я пришла в Россию в 1980-м, олимпийском году. Ко мне это было...

Календарь Людей. Годы. Жизнь. 28 ноября — родился А. М. Олесюк (1835—1933), скульптор...

И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА... Он всегда придавал мне силы. Сколько раз в мысленно отключался перед ним...

Итак, Свердловск 1933 года. Пушечная парадная очередь Уралмаша. А в родильном доме не беречь тогда многоводной и прозрачной Истины...

Театральный. Уже не говорю, что почти во всех заводских дворцах культуры и институтах были свои театральные коллективы...

Улицы города были свидетелями наших первых свиданий. Ведь это был город нашей первой любви...

А разве можно забыть улицы города, заполненные праздничным демонстрациям. Как проходили по площади заводских колонн...

Размискивает! Да нет, он уже найден. Десять лет назад. Ура! Вообще-то новобранцы малозастычивы...

Впрочем, кроме моей мамы, на меня, кажется, никто не жалуется.

Вот задумал я с вами поэзию написать. А идея в общем-то простая. Жил бы мальчик. Жил, скитался в общине...

...который всегда со мной

И я решил написать письмо моему городу, которого, мне скажут, уже нет. А я не поверю! Он есть, он всегда будет...

Цац и площадях, о бесконечно дорогих нам пригородах — озерах, лесах, скалах, сосновых шишках...

Наша университетская сатирическая «Живая газета» (прародитель нынешнего КВН) пользовалась в те годы неизменным успехом...

Улицы города были свидетелями наших первых свиданий. Ведь это был город нашей первой любви...

А разве можно забыть улицы города, заполненные праздничным демонстрациям. Как проходили по площади заводских колонн...

Размискивает! Да нет, он уже найден. Десять лет назад. Ура! Вообще-то новобранцы малозастычивы...

Впрочем, кроме моей мамы, на меня, кажется, никто не жалуется.

Вот задумал я с вами поэзию написать. А идея в общем-то простая. Жил бы мальчик...

Может быть, мне повезло, и меня окружали только хорошие люди. Конечно, горя хватало на все. Была война, послевоенный голод...

Одноэтажный дом по улице Решитников, где я жил в детстве, снесли и на этом месте построили тотальную киностудию...

А доцент Михаил Григорьевич Куйбышев. Сколько эмоций и энергии вкладывал он, рассказывая нам о фольклоре, об «Устом творчестве трудового народа»...

Улицы города были свидетелями наших первых свиданий. Ведь это был город нашей первой любви...

А разве можно забыть улицы города, заполненные праздничным демонстрациям. Как проходили по площади заводских колонн...

Размискивает! Да нет, он уже найден. Десять лет назад. Ура! Вообще-то новобранцы малозастычивы...

Впрочем, кроме моей мамы, на меня, кажется, никто не жалуется.

Вот задумал я с вами поэзию написать. А идея в общем-то простая. Жил бы мальчик...

РАЗРЕШИТЕ ВСПОМНИТЬ... Куда податься? Как быть? Эти вопросы мучились мои одноклассники...

У меня сомнения не было — я решил поступать в Уральский университет. Мои радостные настроения на вечер заметил фотокорреспондент областной молодежной газеты «На смену»...

Улицы города были свидетелями наших первых свиданий. Ведь это был город нашей первой любви...

А разве можно забыть улицы города, заполненные праздничным демонстрациям. Как проходили по площади заводских колонн...

Размискивает! Да нет, он уже найден. Десять лет назад. Ура! Вообще-то новобранцы малозастычивы...

Впрочем, кроме моей мамы, на меня, кажется, никто не жалуется.

Вот задумал я с вами поэзию написать. А идея в общем-то простая. Жил бы мальчик...

Вот задумал я с вами поэзию написать. А идея в общем-то простая. Жил бы мальчик...

Учредитель журналистский коллектив газет. КУЛЬТУРА. Главный редактор А. А. Белая. Редакционная коллегия: С. И. Бедное (зам. главного редактора), Г. М. Дубасов (первый зам. главного редактора)...